

УДК 373.167.1:811.111

ББК 81.2Англ-я7

Т 26

Перевод с английского *Е. В. Кайдаловой*

Составление словаря, упражнений и комментариев *Е. В. Карпенко*

Иллюстрации *Е. В. Пуляевой*

Дизайн обложки *Ю. В. Щербакова*

Твен М.

Т 26

Лучшие юмористические рассказы : [парал. текст на англ. и рус. яз. : учебное пособие] / Марк Твен ; [пер. с англ. Е. В. Кайдаловой; словарь, упражнения, коммент. Е. В. Карпенко; ил. Е. В. Пуляевой]. — М. : Эксмо, 2014. — 192 с. : ил. + CD. — (Билингва. Слушаем, читаем, понимаем).

Комплект из книги и аудиодиска включает в себя пять избранных юмористических рассказов Марка Твена. Неадаптированные тексты рассказов позволят читателям в полной мере оценить искрометный юмор классика американской литературы, а параллельный перевод на русский поможет разрешить возникающие вопросы и трудности. Читая и слушая тексты на английском языке, обращаясь к текстам на русском языке, вы улучшите свои навыки чтения, перевода и восприятия на слух иноязычной речи.

Для углубления знаний английского и облегчения понимания текста предлагаются упражнения и словарь.

Книга будет интересна и полезна школьникам, абитуриентам, студентам, преподавателям, а также всем, кто изучает английский язык самостоятельно.

УДК 373.167.1:811.111

ББК 81.2Англ-я7

Учебное издание

БИЛИНГВА. СЛУШАЕМ, ЧИТАЕМ, ПОНИМАЕМ

Марк Твен

ЛУЧШИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
(орыс тілінде)

Ответственный редактор *Н. Уварова*. Редактор *Е. Мирославская*
Художественный редактор *Ю. Щербаков*. Верстка *С. Марченко*. Корректор *К. Варавина*

В оформлении обложки использована фотография:

Everett Collection / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: Издательство «ЭКСМО»-ЖШҚ, 127299, Мәскеу, Ресей, Клара Цеткин көш., үй 18/5.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Taуар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.08.2013. Формат 60х90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0.

Тираж 2500 экз. Заказ

ISBN 978-5-699-66406-1

9 785699 664061 >

ISBN 978-5-699-66406-1

© Кайдалова Е.В., перевод на русский язык, 2012

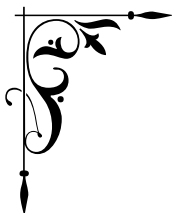
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Contents

RUNNING FOR GOVERNOR.....	4
THE STOLEN WHITE ELEPHANT	18
MY WATCH.....	76
THE £1,000,000 BANKNOTE	84
TAMING THE BICYCLE	146
Activities.....	168
English-Russian Vocabulary.....	180

Running For Governor Как я баллотировался в губернаторы

A few months ago *I was nominated for Governor of the great State of New York, to run against Mr Stewart L. Woodford and Mr John T. Hoffman on an independent ticket.* I somehow felt that I had one prominent advantage over these gentlemen and that was *good character.* It was easy to see by the newspapers that, if ever they had known what it was to bear a good name, that time had gone by. It was plain that in these latter years they had become familiar with all manner of shameful crimes. But at the very moment that I was exalting my advantage and joying it in secret, there was a muddy undercurrent of discomfort “riling” the deeps of my happiness, and that was *the having to hear my name bandied about in familiar connection with those of such people.* I grew more and more disturbed. Finally I wrote my grandmother about it. Her answer came quick and sharp. She said:

“You have never done a single thing in all your life to be ashamed of, not one. Look at the newspapers, look at them and comprehend what sort of characters Messrs Woodford and Hoffman are, and then see if you are willing to lower yourself to their level and enter a public canvass with them.”

Несколько месяцев назад я был зарегистрирован кандидатом на пост губернатора от великого штата Нью-Йорк. Моими соперниками по независимому списку были Стюарт Л. Вудфорд и Джон Т. Хоффман. Главным моим преимуществом перед этими двумя джентельменами я считал свое *доброе имя*. Ведь как утверждалось в газетах, оба моих конкурента давно позабыли о том, что такое хорошая репутация (если, конечно, вообще когда-либо об этом знали). Было очевидно, что за последние годы они запятнали себя всеми мыслимыми и немыслимыми позорными деяниями. Но, хоть я и радовался втайне своему преимуществу, вершины моего ликования все же подмывал один мутный ручеек: *теперь мое имя будет упоминаться в тесной связи с именами таких людей*. Это все больше и больше мучило меня, пока, наконец, я не написал обо всем своей бабушке. Ее ответ был скор и резок. Вот что она отвечала:

За всю свою жизнь ты не совершил ничего, чего мог бы стыдиться, ничего! А теперь взгляни в газеты и осознай, что за типы эти Вудфорд и Хоффман. Неужели ты желаешь опуститься до их уровня и вместе с ними перетягивать канат общественного мнения?

It was my very thought. I did not sleep a single moment that night. But after all I could not recede. I was fully committed, and must go on with the fight.

As I was looking listlessly over the papers at breakfast I *came across* this paragraph, and I may truly say I never was so confounded before:

“PERJURY. Perhaps, *now that* Mr Mark Twain is before the people as a candidate for Governor, he will condescend to explain how he came to be convicted of perjury by thirty-four witnesses in Wakawak, Cochin China, in 1863, the intent of which perjury being to rob a poor native widow and her helpless family of a meagre plantain-patch, their only stay and support in their bereavement and desolation. *Mr Twain owes it to himself, as well as to the great people whose suffrages he asks, to clear this matter up. Will he do it?*”

I thought I should burst with amazement! Such a cruel, heartless charge! I never had seen Cochin China! I never had heard of Wakawak! *I didn't know* a plantain-patch from a kangaroo! I did not know what to do. I was crazed and helpless. I let the day slip away without doing anything at all. The next morning the same paper had this — *nothing more:*

“SIGNIFICANT. Mr Twain, it will be observed, is suggestively silent about the Cochin China perjury.”

[Mem. During the rest of the campaign this paper never referred to me *in any other way than as* “the infamous perjurer Twain.”]

Это полностью совпало с моими мыслями! Я всю ночь не сомкнул глаз, но в итоге решил, что отступить нельзя. Я уже принял на себя определенные обязательства, а значит, должен принимать бой!

Поутру, когда я небрежно просматривал за завтраком газеты, я вдруг *наткнулся* на одну заметку, и, скажу честно, еще ни разу в жизни я не был так ошеломлен:

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО. Возможно, *сейчас, когда* этот Марк Твен предстал перед людьми как претендент на пост губернатора, он снизойдет до объяснения того, почему целых 34 свидетеля обвинили его однажды в даче ложных показаний. Произошло это в Вакаваке, Китай, в 1863 году; целью лжесвидетельства была попытка отсудить у бедной вдовы и ее незащитных детей скудный клочок земли с несколькими банановыми деревьями, единственное средство к существованию для этого обездоленного семейства. *Долг Марка Твена как перед самим собой, так и перед теми гражданами, чьи голоса он хочет получить, рассказать всю правду о случившемся. Только вот сделает ли он это?*

Я думал, что сейчас разорвусь от возмущения! Какое жестокое, бессердечное обвинение — ведь я ни разу не был в Китае! Я и не слыхал об этом Вакаваке! *Я не отличу банановую пальму от кенгуру!* Что делать, я не знал. Голова у меня шла кругом, руки опускались. День пролетел, а я так ничего и не предпринял. На следующее утро та же самая газета выдала следующее, *ни больше, ни меньше:*

ИЗБИРАТЕЛЮ НА ЗАМЕТКУ. Как мы видим, мистер Твен многозначительно молчит о своем лжесвидетельстве в Китае.

[Кстати: на протяжении всей остальной кампании, эта газета отзывалась обо мне *не иначе, как* «Небезызвестный Лжесвидетель Твен».]

Next came the Gazette, with this:

“WANTED TO KNOW. Will the new candidate for Governor deign to explain to certain of his fellow-citizens (who are suffering to vote for him!) the little circumstance of his cabin-mates in Montana losing small valuable from time to time, until at last, these things having been invariably found on Mr Twain’s person or in his ‘trunk’ (newspaper he rolled his traps in), they felt compelled to give him a friendly admonition for his own good, and so tarred and feathered him, and rode him on a rail, and then advised him *to leave a permanent vacuum* in the place he usually occupied in the camp. Will he do this?”

Could anything be more deliberately malicious than that? For I never was in Montana in my life.

[After this, this journal customarily spoke of me as “Twain, the Montana Thief.”]

I got to picking up papers apprehensively — much as one would lift a desired blanket which he had some idea might have a rattlesnake under it. One day this met my eye:

“THE LIE NAILED. By the sworn affidavits of Michael O’Flanagan, Esq., of the Five Points, and Mr Kit Burns and Mr John Allen, of Water Street, it is established that Mr Mark Twain’s vile statement that the lamented grandfather of our noble standard-bearer, John T. Hoffman, was hanged for highway robbery, is a brutal and gratuitous LIE, without a single shadow of foundation in fact. It is disheartening to virtuous men to see *such shameful means resorted to achieve political success* as the attacking of the dead in their graves, and defiling their honored names with slander. When we think of the anguish this miserable falsehood must cause the innocent relatives and friends of the deceased, we

Вслед за ней выступила «Газетт» со следующей статейкой:

ТРЕБУЕМ ОТВЕТА. Не объяснит ли новый кандидат в губернаторы тем из своих сограждан, кто умирает от желания отдать за него голоса, один небольшой инцидент, произошедший с ним в Монтане? Да-да, тот самый, когда у людей, живших с ним под одним кровом, время от времени пропадали разные ценные вещицы, а потом обнаруживались или на мистере Твене лично, или в его «хоботе» — свернутой в трубочку газете, куда он засовывал свои пожитки. В результате, для его же собственного блага, товарищи вынуждены были устроить ему дружеское внушение — вывалить в смоле и перьях, посадить на забор и посоветовать навсегда *оставить* в их лагере вместо себя *пустое место*. Услышим ли мы объяснения?

Можно ли было придумать худшую ложь, чем эта? Я ведь сроду не был в Монтане.

[С тех пор этот журнал обычно называл меня «Твен, Монтанский Вор».]

Я начал с большой осторожностью братья за газеты — как человек, который поднимает одеяло, боясь обнаружить там гремучую змею. Однажды мой взгляд зацепился за следующий заголовок:

ЛЖЕЦ УЛИЧЕН! Господин Майкл О'Флэнеген, эсквайр, проживающий в Файв Пойнтс, а также господа Кит Бернс и Джон Эллен с Уотер Стрит под присягой показали, что гнусное заявление мистера Твена, в котором он назвал покойного дедушку нашего глубокоуважаемого Джона Хоффмана «когда-то повешенным бандитом с большой дороги», является злобной, полностью надуманной ложью, не имеющей под собой никакого основания. Сердца добропорядочных людей разрываются при виде того, *какие позорные средства кое-кто пускает в ход во имя политического успеха*. Он нападает на мертвецов в их собственных могилах и пятнает грязью их славные имена. Стоит нам подумать о той

are almost driven to incite an outraged and insulted public to summary and unlawful vengeance upon the traducer. But no! Let us leave him to the agony of a lacerated conscience (though, *if passion should get the better of the public*, and in its blind fury they should do the traducer bodily injury, it is but too obvious that no jury could convict and no court punish the perpetrators of the deed).”

The ingenious closing sentence had the effect of moving me out of bed with despatch that night, and out at the back-door also, while the “outraged and insulted public” surged in the front way, breaking furniture and windows in their righteous indignation as they came, and taking off such property as they could carry when they went. And yet I can lay my hand upon the Book and say that I never slandered Governor Hoffman’s grandfather. More, I had never even heard of him or mentioned him up to that day and date.

[*I will state, in passing*, that the journal above quoted from always referred to me afterward as “Twain, the Body-Snatcher.”]

The next newspaper article that attracted my attention was the following:

“A SWEET CANDIDATE. Mr Mark Twain, who was to make such a blighting speech at the mass meeting of the Independents last night, didn’t come to time! A telegram from his physician stated that he had been knocked down by a runaway team, and his leg broken in two places, sufferer lying in great agony, and so forth, and so forth, and a lot more bosh of the same sort. And the Independents tried hard to swallow the wretched subterfuge, and pretend that they did not know what was the real reason of the absence of the abandoned creature whom they de-nominate their standard-bearer.

боли, которая должна сейчас терзать невинных друзей и родственников покойного, как мы едва удерживаемся от призыва к разъяренной и оскорбленной общественности: «Клеветник заслуживает возмездия!» Но нет — оставим его мукам его нечистой совести! (Хотя, *если праведный гнев, охвативший общественность*, приведет к телесным повреждениям клеветника, то совершенно очевидно, что ни один суд не сочтет это преступлением и не накажет мстителей.)

Хитроумное заключительное предложение привело к тому, что ночью мне пришлось выскакивать из постели и спастись из дома через черный ход, в то время как «разъяренная и оскорбленная общественность» вломилась в парадную дверь, круша в своем праведном гневе мебель и высаживая окна, а также забирая все ценное, что можно было унести с собой. И все же, положив руку на библию, я могу поклясться, что я никогда не пятнал грязью дедушку губернатора Хоффмана. Более того: я никогда и не слышал о нем вплоть до того дня.

[*Попутно замечу, что в дальнейшем вышеупомянутый журнал ссылался на меня так: «Твен, Осквернитель Праха».*]

Следующая статья, привлекавшая мое внимание, была такова:

МИЛЫЙ КАНДИДАТИК. Марк Твен, собиравшийся вчера вечером выступить с разгромной речью на собрании независимых кандидатов, не пришел в назначенное время! Телеграмма от его врача утверждала, что он был сбит с ног толпой сбежавших каторжников, что его нога была сломана в двух местах, что несчастный страдалец ужасно мучается, и так далее и так далее. Независимые изо всех сил пытались выдать это за чистую монету и притворялись, что они действительно не знают, где шатается это несчастное создание, которое они выставляют носителем своих идеалов.

A certain man was seen to reel into Mr Twain's hotel last night *in a state of beastly intoxication*. It is the imperative duty of the Independents to prove that this besotted brute was not Mark Twain himself. We have them at last! This is a case that admits of no shirking. The voice of the people demands in thundertones, "Who was that man?"

It was incredible, absolutely incredible, for a moment, that it was really my name that was coupled with this disgraceful suspicion. Three long years had passed over my head since I had tasted ale, beer, wine or liquor of any kind.

[It shows what effect the times were having on me when I say that I saw myself confidently dubbed "Mr Delirium Tremens Twain" in the next issue of that journal without a pang — notwithstanding I knew that with monotonous fidelity the paper would go on calling me so to the very end.]

By this time anonymous letters were getting to be an important part of my mail matter. This form was common:

How about that old woman you kicked off your premises which was begging? POL PRY.

And this:

There is things which you have done which is unbekowens to anybody but me. *You better trot out a few dols*, to yours truly, or you'll hear through the papers from HANDY ANDY.

This is about the idea. I could continue them till the reader was surfeited, if desirable.

Shortly the principal Republican journal "convicted" me of wholesale bribery, and the leading Democratic

А между тем некий человек приполз прошлой ночью в гостиницу, где живет мистер Твен, *в дрезину пьяным*. Теперь Независимые просто обязаны доказать, что эта в усмерть упившаяся свинья был не Твен. Наконец-то мы до них добрались! Никакого увиливания! Глас народа вопиет: «КТО БЫЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?»

Это было невероятно, совершенно невероятно, что мое имя действительно оказалось сопряжено с таким позорным подозрением. Уже три долгих года пронеслось над моей головой с тех пор, как я в последний раз пригубил эль, пиво, вино или любой другой алкогольный напиток.

[И вот до чего довел меня горький опыт! Едва в следующем выпуске этой газеты я увидел свое новое доверительное прозвище: «Твен-Мордой В Грязь», я уже понял, что это издание будет упорно звать меня так до самого конца.]

К тому моменту значительную часть моей почты стали составлять анонимки. Например, такие:

Как насчет старушки, которой вы дали пинок, а она у вас подаяния просила? Наблюдатель.

Или такие:

Кое-какие ваши делишки известны мне одному. *Вы бы раскошались немного*, а то ведь я и газетам могу рассказать. Энди-Рука Руку Моет.

Вот так, *в общих чертах*. Если читателю угодно, я мог бы продолжать до бесконечности.

Вскоре главный орган печати Республиканцев «обвинил» меня в даче взяток в особо крупных размерах,

paper “nailed” and aggravated case of blackmailing to me.

[In this way I acquired two additional names: “Twain, the Filthy Corruptionist,” and “Twain, *the Loathsome Embracer.*”]

By this time there had grown to be such a clamour for an “answer” to all the dreadful charges that were laid to me that the editors and leaders of my party said it would be political ruin for me to remain silent any longer. *As if to make their appeal the more imperative*, the following appeared in one of the papers the very next day:

“BEHOLD THE MAN! The Independent candidate still maintains silence. Because he dare not speak. Every accusation against him has been amply proved, and they have been endorsed and reendorsed by his own eloquent silence, till at this day he stands forever convicted. Look upon your candidate, Independents! Look upon the Infamous Perjurer! The Montana Thief! The Body-Snatcher! Contemplate your incarnate Delirium Tremens! Your Filthy Corruptionist! Your Loathsome Embracer! Gaze upon him, ponder him well, and then say if you can give your honest votes to a creature who has earned this dismal array of titles by his hideous crimes, and dare not open his mouth in denial of any one of them!”

There was no possible way of getting out of it, and so in deep humiliation, I set about preparing to “answer” a mass of baseless charges and mean and wicked falsehoods. But I never finished the task, for the very next morning a paper came out with a new horror, a fresh malignity, and seriously charged me with burning a lunatic asylum with all his inmates, because it obstructed the view from my house. This threw me into

а ведущая газета Демократов приписала мне шантаж с отягчающими обстоятельствами.

[Благодаря этому я приобрел еще два имени: «Твен, Погрязший В Коррупции» и «Твен, *Гнусный Вымогатель*».]

К этому моменту поток выливаемой на меня грязи дошел до таких размеров, что дать отпор клеветникам стало жизненно необходимо. И редакторы, и лидеры моей партии в один голос заявляли, что хранить молчание и дальше будет для меня политическим самоубийством. *Как если бы для того, чтобы усилить их призыв*, на следующий день в одной из газет появилось следующее:

ПОСМОТРИТЕ-КА НА НЕГО! Независимый кандидат все еще хранит молчание. Потому что говорить он не осмеливается. Каждое обвинение в его адрес было многократно подтверждено, а лучше всего их подтверждает его красноречивое молчание. Он заклеен навсегда. Посмотрите на вашего кандидата, Независимые! Взгляните на вашего Небезызвестного Лжесвидетеля! Монтанского Вора! Осквернителя Праха! Полюбуйтесь, вот уж истинный Мордой В Грязь этот ваш Погрязший В Коррупции Гнусный Вымогатель! Рассмотрите его хорошенько, а затем спросите себя, готовы ли вы отдать свои честные голоса за эту тварь, которая заслужила все свои уничижительные клички скрывавшимися до сих пор преступлениями, и рот не осмеливается раскрыть, чтобы опровергнуть хоть одно из обвинений!

Выхода не было, и, глубоко униженный, я принялся готовить «ответ» на все беспочвенные наветы и подлые инсинуации. Но закончить работу мне не пришлось: на следующее утро появилась газета с кошмарной свежей фальшивкой. Меня обвиняли в том, что я спалил сумасшедший дом со всеми его обитателями, потому что он портил мне вид из окон. Не успел я оправиться от ужаса,

a sort of panic. Then came the charge of poisoning my uncle *to get his property*, with an imperative demand that the grave should be opened. This drove me to the verge of distraction. On top of this I was accused of employing toothless and incompetent old relatives to prepare the food for the foundling hospital when I was warden. I was wavering. And at last, *as a due and fitting climax to the shameless persecution* that party rancour had inflicted upon me, nine little toddling children, of all shades of colour and degrees of raggedness, were taught to rush on to the platform at a public meeting, and clasp me around the legs and *call me PA!*

I gave up. *I hauled down my colors and surrendered.* I was not equal to the requirements of a Gubernatorial campaign in the State of New York, and so I sent in my *withdrawal* from the candidacy, and in bitterness of spirit signed it,

“Truly yours, once a decent man, but now “Mark Twain, I. P., M. T., B. S., D. T., F. C, and L. E.”